

XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–1(15). С. 87–98.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии: вып. 1–3. Вып. 3. Архангельск, 1896. 267 с.

Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Записки Чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А. А. Мухина. Архангельск: Губ. тип., 1910. 50 с.

Правила о церковно-приходских школах, Высочайше утвержденных 13 июня 1884 года // Официальный отдел Московских церковных ведомостей. 1884. № 20, 12 августа. С. 73–73.

Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин (Некролог) // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 9. С. 224–226.

Сведения об авторе

Казакова Ксения Сергеевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Kazakova Ksenia S.

PhD (History), Senior Research
Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.113-129

УДК 378 (470)

Т. Н. Жуковская, И. С. Пустовойт

С. С. УВАРОВ И ЕГО ПРОЕКТЫ 1811-1821 ГОДОВ (К 200-ЛЕТИЮ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Аннотация

Статья рассматривает основные реализованные и нереализованные проекты попечителя столичного учебного округа С. С. Уварова по реформированию высшей школы: реорганизацию учебного дела в Педагогическом институте, укрепление его материальной базы и состава преподавателей, этапы реформирования его структуры и статуса, итогом чего стало образование Главного педагогического института (1817), а на базе последнего — Санкт-Петербургского университета (1819). В основу деятельности Уварова в этом направлении была положена идея классического университетского образования. Исследование построено как на опубликованных, так и на архивных материалах фондов Министерства народного просвещения, канцелярии попечителя, документах университетского делопроизводства.

Ключевые слова:

С. С. Уваров, Санкт-Петербургский университет, Педагогический институт, реформы и контрреформы просвещения в первой четверти XIX в., проект устава Санкт-Петербургского университета.

Tatyana N. Zhukovskaya, Ivan S. Pustovoit

**S. S. UVAROV AND HIS PROJECTS 1811–1821.
(ON THE 200-TH ANNIVERSARY OF TRANSFORMATION
OF THE MAIN PEDAGOGICAL INSTITUTE
TO THE ST.-PETERSBURG UNIVERSITY)**

Abstract

The article examines the fundamental, realized and unrealized projects of S.S. Uvarov, the Curator of the capital educational district, for reforming high schools: the reorganization of teaching at the Pedagogical Institute, the strengthening of its material base and staff of professors, the stages of reform of its structure and status, resulting in the formation of the Main pedagogical Institute (1817), and on the basis of the last — S.-Petersburg University (1819). The basis of Uvarov's activity in this direction was the idea of classical University education. The study is based on both published and archival materials of the funds of the Ministry of public education, the office of the Curator, documents of the University records management.

Keywords:

S. S. Uvarov St. Petersburg University, Pedagogical Institute, reforms and counter-reforms of education in the first quarter of the 19-th century, draft Charter of St. Petersburg University.

История университетского образования в столице Российской империи в XIX в. была бы совершенно иной, если бы во главе Санкт-Петербургского учебного округа в период либеральных реформ просвещения оказался не европейски образованный и амбициозный С. С. Уваров, а кто-то другой. Санкт-Петербургский университет был обязан ему своим статусом, влиянием, местоположением и внешним обликом, поскольку именно по проекту С. С. Уварова 8 февраля 1819 г. он был «образован» на базе Главного педагогического института. Последний, как головное заведение в Империи, предназначенное для подготовки не только учителей, но и профессоров для университетов, также в значительной мере был детищем Уварова. Мы попытаемся более детально раскрыть направления просвещенного реформаторства С. С. Уварова, соответствовавшие его представлениям об идеальной для России модели университета, чем это сделано в существующей литературе [Жуковская, 1998; Петров, 1998; Андреев, 2009].

Материальная база будущего университета

Деятельность С. С. Уварова в должности попечителя, которой он, очевидно, последовательно добивался, развернулась в полном согласии с параграфом «Предварительных правил народного просвещения...» 1803 г., обязывавшим его «пещись об устройении в своем округе университета и других училищ, если где оных еще нет, о распространении и успехах народного просвещения в местах, ему вверенных» [Сборник постановлений..., 1864: 16–17].

Прежде всего С. С. Уваров стремился закрепить пространственное положение будущего университета на карте столицы и активно содействовал укреплению материальной базы Педагогического института, воспринимавшегося в тот момент как «отделение» будущего университета, приобретением книг, учебных пособий, коллекций, реорганизацией пространства обучения и проживания студентов и профессоров.

В этой связи отметим обстоятельство, которое делает начальную историю столичного университета уникальной. Петербургский университет, в отличие от Казанского или Московского, долго не мог обрести постоянного места,

соответствующего его статусу. Это был «перемещающийся» университет, вынужденный арендовать недостающие здания или тратить немалые штатные и иные суммы на перестройку и ремонт малоподходящих строений. Если здания Московского, Казанского и Дерптского университетов строились по специальным проектам именно как университетские, то Петербургский университет получил основные свои помещения в здании Двенадцати коллегий, изначально предназначенном для других целей.

С 1810 по 1816 гг. обсуждалась идея преобразования Педагогического института (далее — ПИ) в Главный педагогический институт (далее — ГПИ), в связи с чем С. С. Уваров выступил с проектом его перемещения в аристократический центр столицы, на участок казенной земли между Инженерной и Итальянской улицами и Михайловской площадью. Но этот план был отклонен, поскольку, как сообщал попечителю министр народного просвещения А. Н. Голицын, данная территория была границей императорских садов [Столянский, 1919: СІХ–СХLVIІ]. Как известно, проблема размещения университета будет улажена только спустя полтора десятилетия, когда Николай I распорядился оставить университет в здании Коллегий, передав в его распоряжение все историческое здание и подвергнув его грандиозной перестройке под нужды учебного процесса.

Проект преобразования ПИ в Главный педагогический институт и его корректировка (1811–1816)

22 сентября 1811 г. министр народного просвещения и тесть С. С. Уварова А. К. Разумовский представил проект преобразования ПИ не в университет, как предполагалось ранее, а в Главный педагогический институт. Однако этот проект не был утвержден сразу, а подвергся многолетнему обсуждению и корректировке [Жуковская, 2013: 21–24]. В этом обсуждении, разумеется, участвовал и С. С. Уваров, хотя модель профессиональной высшей школы для педагогов вместо университета, который мог быть центром притяжения европейской научной элиты, не соответствовала его личным амбициям. Проект реформы ПИ был призван решить текущие острые проблемы российского образования, связанные с нехваткой не только учителей для гимназий, но и профессоров для университетов.

Главным предметом деятельности ГПИ определялась подготовка учителей, магистров, адъюнктов и профессоров для «всякого звания и степени училищ», подведомственных и не подведомственных Министерству народного просвещения, в том числе частных наставников и гувернеров. Основные положения проекта были сохранены в итоговом Положении о Главном педагогическом институте (1816).

С первых дней исполнения должности попечителя С. С. Уваров в сотрудничестве с Конференцией профессоров ПИ работал над углублением содержания учебных программ Института в сторону профессионализации и настойчиво стремился к повышению уровня преподавания. Первая задача решалась путем введения новых предметов и перераспределения их между профессорами. Причем попечитель настаивал на увеличении часов преподавания латинского языка и новых европейских языков. В ПИ, помимо немецкого и французского языков, стали преподаваться итальянский и английский. Важно было, по мнению попечителя, рационально распределить нагрузку на студентов уже

на «предварительном курсе наук», который был определен в два года, для чего «сделать надлежащее распоряжение относительно ... часов для преподавания, назначая при том для русского и латинского языков во всякий учебный день по часу для каждого и принимая в уважение, что успехи студентов весьма много зависят от хорошего расположения времени» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 1.]

Конференция ПИ представила попечителю проект расписания с распределением занятий по дням недели и предметам между профессорами [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 2]. Объем учебной нагрузки, с включением рисования как «предмета необходимого», был таков, что русской и латинской словесностью воспитанники заниматься должны были по 6 часов в неделю, французским и немецким языками по 4 ч, математикой тоже 4 ч; на общую естественную историю отводилось по 2 ч, на общую географию и, в частности, русскую — 2, на философские науки — 2, на Закон Божий — 2, на рисование — 2; всего же студенты Института занимались по 6 часов ежедневно, во все дни, кроме воскресенья [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 3].

Конференция взяла на себя уточнение содержания преподаваемых предметов, предложив проходить русскую грамматику, риторику, поэзию и римскую мифологию, греческую и славянскую последовательно. В числе математических наук она считала необходимым изучить арифметику, алгебру, геометрию и плоскую тригонометрию. В ряд философских наук предлагалось включить логику, метафизику и этику. Также ученая корпорация настаивала на необходимости улучшить преподавание новых языков путем смены преподавателей, в чем нашла поддержку Уварова. Магистр французской словесности Деламолиньер, ввиду незнания им русского языка приносящий «весьма малую пользу» учащимся, был отставлен [Там же].

Озабоченный отсутствием законоучителя «в том важном месте, каков Педагогический институт, где готовятся наставники юношества», Уваров представил министру А. К. Разумовскому собственный план преподавания Закона Божьего [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 4]. Этот план, фактически соединяющий догматическое богословие со светским знанием по истории религий и церкви, состоял из четырех пунктов. В первом пункте говорилось, что лекции по богословию должны содержать начальные знания всеобщего богословия и «энциклопедическое обозрение всех наук, полный богословский курс составляющих», а также всеобщую историю христианской церкви и, в особенности, русскую церковную историю. Предполагалось изучение догматов христианской церкви, чтение книг Священного Писания, как Ветхого, так и Нового завета, «с изъяснением истинного смысла и духа его» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 5–6]. Главная цель богословского учения виделась попечителю не только в том, чтобы показать студентам «насколько возможно, превосходство изучаемой ими православной религии», но и внушить, что «Закон Божий есть душа истинного просвещения».

Необходимость обновления курса богословия Уваров аргументировал тем, что «воспитанники обучались до этого в разных училищах и потому приобрели различные познания в данном предмете». Он предложил разделить курс на младший, средний и старший. На младшем и среднем курсах занятия по богословию должны были проходить совместно, а в старшем — отдельно, в другое время [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 18].

Попечитель предъявлял высокие требования к «духовной особе», которой надлежало передать преподавание богословия: «Преподающий должен сам быть убежден в святости религии, чувствовать всю важность возложенной на него обязанности, должен быть убежден, что одна только история церкви может пролить свет на всемирную историю» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 6–7].

Последний пункт нового плана преподавания обязывал каждого профессора, представляя слушателям свою область науки, передать им «свое собственное уверение и возбудить в них надлежащее уважение к столь важной отрасли человеческого познания» [Там же: Л. 7]. Вскоре министр А. К. Разумовский одобрил предложенный С. С. Уваровым проект преподавания [Там же: Л. 8].

Учебное время в ПИ разделялось на две части: от 8 до 12 утра и после обеда от 14 до 16 часов. В день проводилось по три-четыре занятия, устанавливалось шесть учебных дней в неделю. Эта традиция распределения учебного времени сохранялась и в университетах, по крайней мере до конца 1830-х гг.

Костяк преподавательского состава Института по основным дисциплинам учебного плана 1811 г. выглядел следующим образом: «Закону божьему обучает ... (В оригинале пропуск фамилии преподавателя, которого еще предстояло назначить. — *Т. Ж., И. П.*); философским наукам, т. е. логике, метафизике и этике — профессор П. Д. Лодий, всеобщей истории, особенно истории Российского государства — профессор Г. И. Терлаич, всеобщей географии, особенно Российского государства — профессор Е. Ф. Зябловский, общей естественной истории — профессор А. М. Теряев, начальным правилам математики — профессор М. Е. Резанов. Российской словесности, т. е. грамматике, риторике, поэзии и мифологии римской, греческой и славянской обучает магистр Сферин под руководством статского советника И. И. Мартынова; латинскому языку — магистр Васильевский под руководством профессора В. Г. Кукольника, французскому языку — магистр Деламолиньер, немецкому языку — магистр Шумахер, рисованию и черчению — учитель Берлинский» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 2]. Основные методические и содержательные новации в обучении отражаются в обширном плане реорганизации преподавания в ПИ, который включал 17 пунктов. Согласно плану, в Институте учреждалось три класса: нижний, средний, верхний — в зависимости от уровня подготовки поступающих. Предполагалось, что «воспитанники, обучавшиеся в семинариях или других училищах философии и богословию и сверх того знающие латинский язык, поступают в верхний класс», те кто обучался грамматике, поэзии и риторике и уже владел латинским языком, составят «средний класс», а «обучавшиеся только грамматике, либо поэзии, равно и незнающие сих наук, хотя бы и разумели латинский язык», поступают в «нижний класс» [Там же: Л. 12].

Поскольку была надежда пополнять состав студентов ПИ выпускниками гимназий, «особенно здешней» (т. е. Петербургской), то Уваров предусмотрел совмещение времени приема в ПИ с выпуском в гимназиях, который «бывает ... ежегодно и притом в июле». Кроме того, он предписывал руководству Института, «чтобы и в нем *ежегодно* был выпуск для очистки вакансий гимназическим и другим воспитанникам» [Там же]. То есть С. С. Уваров предполагал от прежней системы обучения «выпусками», существовавшей в ПИ с 1804 г., перейти к курсовой системе обучения, с наборами абитуриентов каждый год, которая утвердилась в университетах.

Пунктами 6, 7, 8, 9 плана устанавливалось, что учебный год впредь будет начинаться в августе, а заканчиваться в июле. Этапы перехода на новую систему выглядели следующим образом. Уже обучавшихся в ПИ студентов предлагалось выпустить в три срока: обучающиеся в верхнем классе должны были окончить курс к июлю следующего, 1812 г., т. е. пребывание их в ПИ после перехода на новый учебный план должно было продолжаться 1,5 года; обучающиеся в среднем курсе должны были закончить обучение к июлю 1813 г., следовательно их обучение составляло 2,5 года, из которых полтора — в среднем, а последний год в верхнем классе; обучающиеся в нижнем классе должны были окончить курс наук к июлю 1814 г., следовательно, их пребывание в ПИ составило бы 3,5 года, из которых полтора года они находились в нижнем классе, а два последних — в среднем и верхнем [Там же: Л. 13]. Этот переходный период должен был закончиться осенью 1814 г., после чего режим обучения приблизился бы к университетскому, оставаясь трехлетним.

Поскольку Уваров рассчитывал обновить состав абитуриентов выпускниками гимназий, предполагалось «начинать в институте уже с тех предметов, каких не проходили они в гимназиях вовсе или проходили сокращенно» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 13]. В перспективе, как считал попечитель, «не нужно будет некоторые науки преподавать в институте вовсе, а другие, по крайней мере, в нарочитой обширности, и вместо них должно будет ввести новые. Расписание же должно быть сообразно степени и разности познаний воспитанников» Там же: Л. 14].

Летом 1811 г., к моменту введения нового учебного плана, в ПИ обучалось 80 человек, в процессе набора к августу количество студентов возрастет до 100 человек. Абитуриенты должны были поступать в средний или нижний классы, как из числа казенных воспитанников гимназий, так и вольноприходящих дворян и чиновников, для которых необходимо было «сделать объявление в ведомостях обеих столиц с обозначением того, какие требуются от них предварительные познания и какие условия при приеме в институт» [Там же]. Помимо этого, план содержал информацию о программе преподавания различных предметов, изучаемых в институте, о требованиях к подготовке учителей, желающих преподавать в гимназиях и институте [Там же: Л. 15]. Таким образом, Уваров предполагал превратить ПИ из достаточно закрытого учебного заведения в открытое для свободного поступления, с распределением абитуриентов по степени познаний на разные курсы, тем самым приближая его к университетскому типу обучения.

К учебному плану прилагались отдельные для каждого класса список предметов с распределением их по дням недели и список преподавателей, которым вверялся тот или иной предмет [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 16–17]. В «нижнем» классе предполагалось изучать: российскую словесность, философию, эмпирическую психологию, математику, географию, древнюю историю, естественную историю, латинский, французский, немецкий языки, рисование и черчение. В дневном расписании стояло по четыре предмета, устанавливалось шесть учебных дней в неделю. В «среднем» классе предполагалось изучать: российскую словесность (всеобщая грамматика, мифология греческая, римская, славянская поэзия, критический разбор писателей), философию, коммерцию, статистику, географию, историю, химию, естественную историю, математику, латинский, французский, немецкий языки,

рисование и черчение. В «верхнем» классе: всеобщую и российскую географию, всеобщую и российскую историю, эстетику, химию, физику и сельское домоводство, статистику, естественную историю, французский, немецкий языки, политическую экономию, полицию (административное устройство. — *Т. Ж., И. П.*), финансы, естественное право.

Между преподавателями ПИ предметы распределялись следующим образом:

«I. В верхнем классе [обучали]: эстетике — статский советник Иван Мартынов, естественному праву — ординарный профессор Петр Лодий, физике и сельскому домоводству — ординарный профессор Василий Кукольник, политическим наукам — ординарный профессор Михаил Балугьянский, химии — ординарный профессор Александр Шерер, статистике — ординарный профессор Карл Герман, естественной истории — ординарный профессор Андрей Теряев, математике — ординарный профессор Матвей Резанов, географии — ординарный профессор Евдоким Зябловский, всеобщей и российской истории — ординарный профессор Григорий Терлаич;

II. В среднем классе: философии — ординарный профессор Петр Лодий, статистике — ординарный профессор Карл Герман, российской словесности — магистр Егор Сферин, латинскому языку — студент Арсеньев, под руководством профессора, коммерции — студент Владиславлев, под руководством профессора, химии — студент Варчилов под руководством профессора;

III. В нижнем классе: философии — магистр Дмитрий Васильевский под руководством профессора, латинскому языку — студент Попов под руководством профессора, российской словесности — студент Посников под руководством профессора;

IV. В среднем и нижнем классе: рисованию и черчению — учитель Матвей Берлинский, естественной истории — студент Ржевский, географии — студент Баженов, истории — студент Рогов, математике — студент Левинский;

V. Во всех трех классах: немецкому языку — магистр Август Шумахер, французскому языку — магистр Лабе де Лонд» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 13].

Закону Божьему воспитанники должны были обучаться в «верхнем» классе от 16 до 18 часов по понедельникам, в «среднем» и «нижнем» классах совместно по пятницам, с 16 до 18. [Там же]. Таким образом, проект предусматривал реорганизацию содержания и режима обучения в ПИ, введение курсовой системы, все это приближало его облик к университетскому. От университетского типа обучения ПИ отличало отсутствие факультетской системы, предполагавшей специализацию от начала до конца обучения. Кроме того, можно видеть, что с умножением предметов и «классов» ПИ начал испытывать дефицит преподавателей, поэтому к ведению занятий привлекаются «студенты», т. е. оставленные при Институте лучшие выпускники прошлых лет, соискатели ученого статуса магистра. 24 января 1811 г. министр А. К. Разумовский утвердил данный план [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 3].

Однако данный проект реорганизации ПИ был отложен в «долгий ящик», вернулись к нему только через четыре года, когда новым министром вместо А. К. Разумовского стал А. Н. Голицын. Рассмотрев проект положения об Институте, А. Н. Голицын подвергает его редактированию, например, решает сократить количество общих мест в штате студентов и сокращает главу о правах профессоров. Тем не менее в своей основной части проект, получивший название

«Образование Главного педагогического института», был утвержден 23 декабря 1816 г. «Образование...» стало внутренне противоречивым документом, с одной стороны сохранявшим положения об автономии и уравнивании Главного педагогического института в правах с университетами, а с другой — ставившее новое учебное заведение под контроль назначаемого директора. Эта двойственность оказалась впоследствии роковой в судьбе Санкт-Петербургского университета, поскольку до 1824 г. он фактически действовал по Положению о Главном педагогическом институте. [Жуковская, 2013: 23]

От Главного педагогического института к Петербургскому университету

Структура ГПИ по составу кафедр была приближена к университетской. Число кафедр (т. е. ставок профессоров) увеличено до 21, кроме того, определено в помощь профессорам 6 магистров или лекторов; преподавать положено «все те науки (исключая медицинских), изящные искусства и языки коим обучаются в университетах» [Плетнев, 1844 : 10]. Фактически на ГПИ была распространена и факультетская система преподавания: учебные предметы сгруппированы в три «отделения, или факультета»: 1) наук философских и юридических; 2) наук физических и математических; 3) наук исторических и словесных. Последний факультет включал и кафедры языков арабского и персидского, открытые в начале 1818 г. Кроме того, на ГПИ было распространено право университетов производить по экзамену во все академические ученые степени («градусы»). Ученые звания в самом институте теперь не должны были противоречить положениям уставов российских университетов и предполагали те же классные чины.

От проекта 1811 г. в уставе ГПИ было сохранено деление курса обучения на три уровня: курс «предварительный» — в течение двух лет; курс «высших наук», или специальный, — в течение трех; «заключительный» — в течение одного года, посвященный собственно изучению педагогики» [Григорьев, 1870: 4].

Для посторонних «любителей наук» в ГПИ открывались особые «публичные курсы». В отличие от ПИ, среди учащихся ГПИ доля выпускников гимназий была существенно выше, лишь недостающее число студентов покрывалось казенными воспитанниками из духовных семинарий.

Однако административная система ГПИ отличалась от управления университетами. Во главе заведения поставлен был директор, подчиненный непосредственно попечителю округа, учебная часть вверена Конференции из профессоров и адъюнктов, а хозяйственная и полицейская — правлению из инспектора и советника, в котором директор также играл первенствующую роль. В одной из редакций проекта устава ГПИ коллегия профессоров наделялась широкой автономией, которая выражалась в праве избрания директора института общим собранием профессоров и в наделении собственной юрисдикцией (правом суда над своими членами, соответствующим судебной автономии университетов, дарованной уставами 1804 г.). Но в окончательной редакции устава, высочайше утвержденной 23 декабря 1816 г., это положение было изменено. Параграф 93 устава об избрании директора уже сообщал двусмысленно: директор избирается общим собранием профессоров из членов Конференции на 4 года *или* определяется особенным выбором начальства» [Сборник постановлений..., 1864: 847]. В реальности директор был именно «определен от начальства» и не принадлежал к корпорации. Им стал Д. А. Кавелин, человек близкий министру А. Н. Голицыну, но далекий от интересов просвещения.

Таким образом, статус ГПИ приблизился к статусу российских университетов, при сохранении его уникальной ориентации на подготовку педагогов. Это проявилось во введении факультетской структуры, в университетской форме подготовки специалистов высшей квалификации и в порядке приема в институт. Наконец, университетскими по объему стали служебные права преподавателей и уровень материального обеспечения: во всем этом преподавательская коллегия ГПИ уравнивалась с профессорами университетов. Отражением нового статуса ГПИ стало назначение на его содержание суммы, вдвое превосходившей первоначально определенную на нужды ПИ [Марголис, Тишкин, 2000: 101].

10 марта 1817 г. попечитель доносил министру об открытии с 1 марта курса наук в ГПИ. При Институте также были открыты лекции для чиновников гражданских ведомств, желавших пройти курс наук для сдачи «экзамена на чин» в объеме университета.

Еще одним важным шагом стало отправка в 1816 г. четверых лучших студентов ПИ в Англию для изучения метода преподавания по системе Ланкастера¹⁴. С. С. Уваров не только определил план их стажировки, продолжавшейся около 4 лет, но и обязал их вести постоянные записи для отчета о педагогических опытах во время пребывания в Англии и Франции, что они и исполнили [Жуковская, Дубровская, 2017: 59–95].

В 1817 г., с открытием Второго разряда ГПИ система педагогического обучения в нем стала двухуровневой. Второй разряд производил сокращенное обучение будущих учителей уездных и приходских училищ с использованием именно ланкастерского метода. Курс обучения, рассчитанный на 4 года, включал: закон Божий, русский язык, математику, физику, историю, географию, чистописание, рисование. Лучшие выпускники Второго разряда могли направляться в «высший разряд» ГПИ или другое высшее учебное заведение. Но во Второй разряд было набрано всего 30 воспитанников 14–15 лет, в том числе из учительских семей. Таким образом, Уваров попытался укрепить систему «лестницы» в подготовке педагогов и поощрить «продвижение» способных молодых людей из социальных низов.

С открытием Благородного пансиона при ГПИ в том же 1817 г. Институт стал привлекателен и для дворянской молодежи. На казенное содержание в пансион могли быть зачислены дети малосостоятельных дворян, не получившие систематического образования. Преподавание в пансионе основных предметов поручалось профессорам и адъюнктам ГПИ [Жуковская, 2017: 57–65].

Казалось, ГПИ — это длительный многоуровневый педагогический проект, отвечавший как запросам развития школы на всех уровнях, так и решению проблем социальной мобильности. Однако казус был в том, что даже вместе с Благородным пансионом и лекциями для «вольнотружеников» чиновников ГПИ не мог сообщить столице вид университетского города и привлечь по-настоящему

¹⁴ Белл-Ланкастерская система — методика взаимного обучения, суть которой состояла в обучении более старшими и знающими учениками учеников младшего возраста. Ее разработчиками в 1790-х гг. стали независимо друг от друга доктор Эндрю Белл и Джозеф Ланкастер. Идея быстрого и дешевого обучения, при минимальном участии педагогов-наставников, понравилась Александру I, посетившему Англию в 1814 г.

известных европейских ученых. В этом, на наш взгляд, состояла причина неудовлетворенности С. С. Уварова как реформатора и отношения его к ГПИ как к промежуточному проекту. Вероятно, уже в 1817 г. он вернулся к работе по приданию ГПИ статуса полноценного университета, обновляя штат его профессоров европейскими специалистами (именно тогда были приглашены Э. Раупах, Ш. Деманж, Ф. Шармуа и др.) и готовя новый проект организации на его базе «Санкт-Петербургского университета». Дискуссии о том, каким быть университету в столичном учебном округе, поутихшие с 1802–1804 гг., на этот раз не были такими острыми и протекали в кулуарах министерства и Главного правления училищ.

Скорее всего, С. С. Уваров был уверен, что Александр I по-прежнему поддерживает идею распространения в России европейской модели университета. Основы для этого в столице уже были заложены в 1804 г. образованием ПИ, который задумывался как отделение университета. Император высоко оценил первые итоги деятельности ПИ, а в 1808 г. повелел отправить в Европу для завершения научной подготовки 12 его студентов — будущее ядро профессорского состава ГПИ, а впоследствии и университета [Жуковская, 2009: 74–89].

С. С. Уваров уже в первый год своего попечительства пропагандировал среди литераторов идею открытия полноценного университета в столице. Тогда он приглашал В. А. Жуковского на профессорскую кафедру [Жуковская, 1998: 59]. Практическая агитация за университетскую идею, которая осуществлялась Уваровым среди своих просвещенных корреспондентов в России и за границей, убеждает, что он пришел на этот пост с большими общественными амбициями. Возможно, он думал сразу претворить в жизнь идею об университете, но она была вынужденно отложена, в том числе в связи с войной 1812 г. и неоднозначностью успехов других университетов, открытых в первые годы XIX в. Это требовало корректировки самой модели «университета для России». Намерения и амбиции Уварова все же реализовались в начале 1819 г. Не случайно впоследствии, уже став министром народного просвещения, во время торжественных университетских актов, начиная с 1844 г. он с гордостью принимал неофициальный титул если не «основателя», то «преобразователя» Петербургского университета [Плетнев, 1844; Марголис, Тишкин, 2000: 194].

С. С. Уваровым были представлены два главных мотива к преобразованию ГПИ в университет: административный (необходимость подчинить усложнившееся управление Петербургским учебным округом общему порядку, по которому во главе каждого округа стоял университет); научно-образовательный — в интересах развития российской науки, которое могло идти гораздо успешнее в стенах университета [Рождественский, 1919: XII]. Только университет с его свободой преподавания и административной автономией, высокой социальной репутацией, высокими чинами для выпускников, авторитетной ученой корпорацией из русских и европейских специалистов, мыслился им учреждением, соответствующим статусу столицы империи. «Обретение» университета в Петербурге, безусловно, укрепляло и личную известность Уварова, и репутацию администратора-ученого, которую он поддерживал в отношениях как с соотечественниками, так и с европейцами.

Так или иначе, в начале 1819 г. возобновилось продвижение проекта учреждения университета в Петербурге в форме преобразования ГПИ в университет с расширением его административной и научной

самостоятельности. Судя по всему, Уваров начал работать над этим проектом задолго до того, как представил министру 13 января 1819 г. «Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета» — учредительный документ, состоящий из 36 параграфов. Буквально через 3,5 месяца был готов обширный проект устава нового университета из 345 параграфов, который по объему превосходил все действовавшие уставы. За несколько месяцев такую подготовительную работу осуществить невозможно. В тот момент Уваров, скорее всего, был поддержан кем-то из влиятельных членов Главного правления училищ и не встретил противодействия со стороны министра А. Н. Голицына. Одобрение учредительных документов и их Высочайшее утверждение 8 февраля 1819 г. произошло довольно быстро.

Проект нового устройства университета был рассмотрен на заседании Главного правления училищ 30 января, одобрен и включен в доклад министра, высочайше утвержденный 8 февраля 1819 г. [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 3]. Этот день и стал считаться датой «образования» Санкт-Петербургского университета, которое де факто было лишь «переименованием», поскольку до введения в действие собственного устава университет продолжал действовать в прежнем составе студентов и профессоров по старому Положению ГПИ.

Проект устава для Петербургского университета и кризис просвещенного администрирования

В успехе своей попытки в 1819 г. Уваров не был до конца уверен. В сопроводительном тексте к «Первоначальному образованию...» есть оговорка, обращенная к министру: «Если проект сей получит Ваше, Милостивый Государь, одобрение и потом удостоится высочайшего утверждения, то сим одним уже дано будет движение всему делу и оставаться будет мне под наблюдением Вашего Сиятельства, приводить постепенно в надлежащий порядок все части внутреннего устройства Университета и его Округа» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 3]. В этом объяснении попечитель подчеркивал, что отличия вновь учреждаемого университета от уже существующих перенесены им из устава ГПИ (деление на факультеты, подготовка преподавателей для гимназий, административное устройство). Оставаясь приверженцем автономии, декларированной уставами 1804 г., Уваров надеялся «поручить опытнейшим членам нового Университета составить его подробный Устав» [Там же].

26 мая 1819 г. С. С. Уваров представил на обсуждение Главного правления училищ, экспертного органа при министерстве обширный проект устава Санкт-Петербургского университета из 345 параграфов. В представлении автор оговаривает, что некоторые идеи заимствованы из организации университета Галле. Таким образом, Уваров выступил сторонником немецкого («гумбольдтовского») типа университетской организации, с его демократией как для профессорской корпорации, так и для студентов. Именно в этом его вскоре обвиняли критики устава, М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич. Так, Уваров предложил по типу университета Галле «иметь непременно, всегда от Правительства назначаемого Директора и вместе ежегодно избираемого ученым сословием Ректора». Он видел выгоду системы двух властей в том, что «чрез оную течение дел по ученой и хозяйственной части приемлет больше ясности и прочности и каждая часть будет находиться в руках более способных к ее управлению» [Там же].

Вероятно, над проектом устава, который был объемён и представлял собой грандиозный труд, Уваров работал не три месяца и не в одиночку. Наверняка ему содействовал в этой работе эксперт из профессоров университета, вероятнее всего, юрист М. А. Балугьянский, не исключено, что кто-то из немецких профессоров. Возможно, это был Э. Раупах, которому Уваров явно протезировал с 1817 г. настолько, что готов был видеть его ректором университета. Раупах был питомцем именно Галльского университета, куда он возвращался для защиты своей докторской диссертации, уже укоренившись в Петербурге [Жуковская, ЭР]. Балугьянский же был известен своей редкой работоспособностью, много лет руководя трудами Комиссии составления законов. Как известно, Балугьянскому была поручена переработка уваровского проекта после жесткой критики и отклонения его первой редакции проекта и отставки Уварова. Важно добавить, что первая, уваровская, редакция проекта устава не обнаружена ни в делопроизводстве канцелярии попечителя, ни среди бумаг Главного правления училищ, ни в архиве Департамента МНП, тогда как редакции, восходящие к Балугьянскому, известны историкам и подвергались разбору [Косачевская, 1971: 9--108]. Нетрудно предположить взаимосвязанность, если не на уровне идей, то на уровне текста, этих двух попыток написать устав для столичного университета, фактически перерабатывая университетскую модель 1804 г.

Основные идеи проекта развернуты в сопроводительных текстах к нему, написанных Уваровым. Новый устав предполагал важные изменения в системе преподавания наук, структуре кафедр и факультетов. Так, Уваров пишет, что «по пространству и по необходимости» одной кафедры для преподавания юридических наук недостаточно, предлагая отделить от римского права уголовное, «яко с первым несовместное», но весьма важное для практической подготовки правоведов. Он предусматривает три кафедры по части юридических наук и, соответственно, прибавку одной штатной единицы профессора с жалованием 2000 руб. [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 4]. Это предложение отвечало дифференциации юридических дисциплин, имевшей место в европейских университетах.

Структура университета, которую защищал Уваров, отличала его от других российских университетов по нескольким параметрам. Прежде всего, вместо традиционного деления на медицинский, юридический и философский факультеты было сохранено прежнее разделение ГПИ на отделения: I. наук юридических и философских, II. наук исторических и словесных, III. наук математических и физических. Выгоды этого разделения виделись в том, что «оно [разделение] больше согласно с местом, где Университет учреждается, с требованием времени и с настоящим порядком вещей и познаний, разделяет поле наук на равные между собою части и не представляет никаких неудобств, столь тесно сопряженных со старыми готическими формами университетов» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 6]. Подобное разделение наук при сохранении единой административной структуры историки находили в национальном Институте Франции в то время [Сухомлинов, 1889: 240].

Административной особенностью, заимствованной Уваровым из устройства университета Галле, было разделение сфер управления между директором и ректором, о чем говорилось выше. Эта система названа им «самым естественным делением властей и предметов» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 6].

К тому же должность директора уже существовала в ГПИ, его полномочия следовало лишь распространить на университет. Таким образом, помимо ректора, ежегодно избираемого ученым сословием, при университете действовал бессменный директор, назначаемый от правительства. Как помощнику попечителя и старшему члену университетского Правления, директору предоставлялся непосредственный надзор за всеми внутренними делами университета, исключая дела по ученой части, которыми ведала Конференция профессоров во главе с ректором, избираемым из ординарных профессоров.

Наконец, ввиду того, что «многочисленность пружин и раздробленность властей ...» весьма неудобны, как и ситуация, когда «ответственность не падает поистине ни на кого, а все без разбора имеют право входить во все дела, что части хозяйственные и правительственные в руках профессоров не могут процветать, а отвлекает только от ученых занятий без всякой пользы, и что наконец в случае внутреннего беспорядка Университет представляет какую-то недействующую массу, притупляющую все усилия министерства в достижении истины», было решено создать единый орган — Правление, где все, кроме ученой части, «сосредоточено в единый центр» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219. Л. 7–8]. Правление действует по форме коллегиальной. В нем собираются все дела по хозяйственной и административной части университета и его округа, в нем может присутствовать и попечитель, его членами являются директор университета, ректор, советник или синдик, а также директор училищ Петербургской губернии [Сухомлинов, 1889: 241].

По убеждению Уварова, при таком разделении функций «никакая власть не ограничивается, кроме власти попечителя (сильная власть попечителя в отношении университетов была одним из принципов университетских уставов 1803-1804 гг., который подвергался критике).

Уваров настаивал на том, чтобы все академические вопросы оставались в руках профессуры: тогда невозможно было бы увольнять преподавателей и изменять программы административным указом. В то же время он хотел бы оставить только что созданный университет под своим плотным кураторством, фактически являясь последней инстанцией при рассмотрении любых вопросов, находящихся в компетенции Правления.

Возвышая статус столичного университета, Уваров предполагал «сдвинуть» иерархию чинов для его выпускников, присваивая действительным студентам XII класс вместо XIV, а кандидатам X вместо XII.

Уваровский проект устава подвергся сокрушительной критике, причем хорошо спланированной, обличавшей автора проекта как адепта «готических форм» университетской организации, т. е. немецкой модели, к тому времени дискредитированной событиями 1817–1819 гг. в самой Германии. История с обсуждением устава окажется полной трагизма: для самого Петербургского университета обернется тем, что он вынужден будет долгое время существовать вообще без устава, а С. С. Уваров покинет пост попечителя в связи с критикой его идей не только личными противниками в Главном правлении училищ, но и некоторыми членами университетской корпорации.

Усилия Уварова по преобразованию высшей школы в столице включали и такие формы, которые были задействованы постоянно и не связываются с какими-то реорганизациями. Это последовательная кадровая политика и целенаправленное приглашение в Петербург лучших иностранных ученых,

укрепление материально-технической базы ПИ, ГПИ, а затем и Университета: библиотеки, лабораторий (химической и физической), кабинетов (минералогического и зоологического), коллекций и музеев. При содействии попечителя университет приобретал коллекции известных ученых, расширял список иностранных почетных членов, укреплял связи с Академией наук, президентом которой С. С. Уваров был с 1818 г.

Политика С. С. Уварова была направлена на воспроизведение классической («гумбольдтовской») модели университета. Эта модель сочетала свободу преподавания и глубоких научных исследований с государственным покровительством, выстраивала систему кафедр и факультетов в том значении, в котором они существуют поныне [Александров, 2006: 273–274]. Эта система была обоснована попечителем и в целом отвечала вызовам времени, когда не только наука, но и система преподавания тяготели к интернационализации. Однако контрреформаторские настроения в министерстве в тот момент были слишком сильны и возобладали.

Во время обсуждения проекта устава в 1819 — начале 1820 гг. самым непримиримым его противником выступил попечитель Казанского университета М. Л. Магницкий. В частности, он обвинил Уварова в том, что вопреки одобренным Государем намерениям поручить составление устава опытнейшим профессорам, устав составлен им единолично в духе крайне опасном. Магницкий обвинил Уварова в стремлении «отвергнуть всякое христианское и нравственное образование, приблизить новый университет к анархии немецких университетов, внести в него всю новомодную мудрость, через которую немецкие университеты подкрадываются ко всему государственному и придут, наконец, к революции государств» [Санкт-Петербургский университет...: 104; Марголис, Тишкин, 2000: 114]. Составление нового устава он предлагал поручить Ученому комитету с тем, чтобы для его редактирования самим министром был назначен один из надежнейших и заслуженных профессоров университета. Из Ученого комитета Главного правления училищ проект устава решено было передать на рассмотрение университетского Совета, дозволить всем его членам свободно подавать свои мнения. Эта видимая уступка интересам ученой корпорации, далеко не единой в своих настроениях, была сделана намеренно, чтобы получить компрометирующий Уварова материал из самой университетской среды.

Резкая и откровенно заказная критика проекта в заседаниях Главного правления училищ усугублялась отсутствием С. С. Уварова, который в это время находился в отпуске по делам своих имений. Только в начале декабря 1819 г. он получил от министра отзывы критиков и готов был дать необходимые объяснения лично в Ученом комитете, куда решено было пригласить и ректора университета для окончания работы над уставом. Однако непримиримость точек зрения Уварова и его критиков сделала невозможным компромисс, таким образом, коллегиальное обсуждение проекта Уварова, какое происходило в Главном правлении училищ в 1802–1804 гг. в период выработки первых университетских уставов, было исключено. Текст проекта подвергся не конструктивной доработке, а обличениям его отдельных формулировок и положенных в него идей.

В заседаниях Главного правления училищ 31 декабря 1819 г. и 15 января 1820 г. перевес получили оппоненты Уварова, а проекту устава были навязаны новые формулировки. Был совершенно изменен первый параграф, определявший цель университета как «образование наукой человека и в человеке гражданина

и усовершенствование самой науки». Это определение, по предложению М. Л. Магницкого, было заменено на принципиально иное: «Цель университета состоит в образовании верных сынов церкви, верных подданных государю и добрых граждан Отечеству...» [Рождественский, 1919: С. XXV; Санкт-Петербургский университет...: 88–89]. Существенные изменения безосновательно вносились в состав факультетов: был добавлен медицинский факультет, из факультета философско-юридического исключены науки философские и ему придан характер более практический под наименованием юридико-политического; факультет историко-филологический переименован в философский и т. д. Эти новации были неконструктивны, но не приблизили утверждение устава, как и полученные критические замечания на него от профессорской коллегии. В дальнейшем оппоненты Уварова стремились изолировать его от влияния на процедуру обсуждения.

Критика устава профессорским совещанием в составе ректора и профессоров университета В. Г. Кукольника, Д. С. Чижова и А. П. Куницына не коснулась основ учебного строя университета, но подняла вопросы университетской администрации, служебного и материального положения преподавателей, организации студентов и т. д. [Рождественский, 1919: XXXVI]. Однако это создавало впечатление, что и академическая корпорация отвергает проект Уварова.

В то время как позиции попечителя слабели, университет продолжал существовать по «временным» положениям в видимом благополучии. Открылись публичные курсы, специализация казеннокоштных студентов по «разрядам» наук внутри факультетов. По представлению Конференции попечитель утвердил разделение факультета физико-математического на два разряда: наук физико-математических и наук «естествоиспытательных». На филологическом факультете было образовано три разряда: исторический, филологический и разряд восточной словесности. Это был едва ли не первый в русских университетах опыт раздробления факультетских предметов на однородные группы, с целью если не специализации, то облегчения занятий.

Подготовленный С. С. Уваровым либеральный проект устава для столичного университета можно считать последней попыткой следовать духу созидательных реформ 1802–1804 гг. в просвещении. Проект проходил «стадию обсуждения» около года, повлек формирование в отношении столичного попечителя мощнейшей оппозиции, поэтому устав университета так и не удалось принять. Более детальное рассмотрение хроники обсуждения проекта Уварова в течение 1820 — начала 1821 гг. в Главном правлении училищ по сохранившимся протоколам его заседаний [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19 и Д. 20] представляется важным направлением исследования и делом ближайшего будущего. Таким путем можно попытаться реконструировать сам обширный текст устава, который считается утраченным. Его обсуждение отразило перемены в настроениях экспертного окружения министра народного просвещения, а сам этот конфликт послужил развилкой между реформами и контрреформами в университетской политике и приблизил добровольную отставку С. С. Уварова с должности попечителя учебного округа. За этой отставкой последовал кризис 1821 г. в истории Петербургского университета, известный как «дело профессоров».

Список сокращений

- ГПИ — Главный педагогический институт.
МНП — министерство народного просвещения.
ПИ — Педагогический институт.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга.

Список источников

- РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19.
РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 20.
РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103.
РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 219.
Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919: материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / под ред. С. В. Рождественского. Пг.: 2-я Гос. Типография, 1919. 759 с.
Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. 1802–1825. СПб., 1864. IV с., 1644, 44 стб., 42 с., 34 стб.: табл.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459.

Список литературы

- Александров Д. А. Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 273–274.
- Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870. 432, 96, СХХII, 15 с.
- Жуковская Т. Н. «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, Лики России, 2009. С. 74–89.
- Жуковская Т. Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803-1819) // Клио: журнал для ученых. 2013. № 10 (82). С. 15–25.
- Жуковская Т. Н. Раупах Эрнст-Беньямин // Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/852-kunitsyn-aleksandr-petrovich.html> (дата обращения: 27.10.2019).
- Жуковская Т. Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х гг (по письмам и дневникам) // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола, 2016. Вып. 9. С. 59–95.
- Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и воссоздание Петербургского университета // Очерки по истории Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. VII. С. 56–74.

Жуковская Т. Н., Дубровская Н. В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817–1830): организационная структура и повседневная жизнь // Клио: журнал для ученых 2017. № 9. С. 57–65.

Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 270 с.

Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением»: очерки по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 227 с.

Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Санкт-Петербургского университета: Историческая записка, по определению Университетского совета, читанная ректором ун-та Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февр. 1844 г. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1844. 127 с.

Рождественский С. В. Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / под ред. С. В. Рождественского. Пг.: 2-я Гос. типография, 1919. С. III–CXLVII.

Столянский П. Н. К истории зданий С.-Петербургского университета // Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. I. 1819–1835. Пг.: 2-я Гос. типография, 1919. С. CIX–CXLVII.

Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. [Соч.] М. И. Сухомлинова. СПб.: А. С. Суворин, 1889. 671 с.

Сведения об авторах

Жуковская Татьяна Николаевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России с древнейших времен до XX в.
Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Пустовойт Иван Сергеевич

студент IV курса Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета

Zhukovskaya Tatyana N.

PhD (History), Associate Professor
of the Institute of History of Saint-Petersburg State University

Pustovoit Ivan S.

student of the Institute of History
of Saint-Petersburg State University